



Славяноведение, 2025, № 2, с. 128–137

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2025, No. 2, pp. 128–137

DOI: 10.31857/S0869544X25020124, EDN: IYCBZP

Оригинальная статья / Original Article

Заметки об именинах и имянаречении в Литве (в сравнении с болгарской традицией)

© 2025 г. М.В. Завьялова

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

mariazavyalova@gmail.com

- Значит, Тимофеева, вы желаете озвездить свою двойню...
 - Да мне бы имена им дать.
 - Ну что ж, предлагаю имена: Баррикада, Бебелина, Пестелина...
 - Нет—нет—нет—нет—нет. Нет. Нет. Лучше назовем их просто: Клара и Роза. В честь Клары Цеткин и Розы Люксембург, товарищи!
- [В. Бортко. Фильм «Собачье сердце» (1988)]

Аннотация. В статье дается краткий обзор истории и традиций имянаречения в Литве, а также описываются современные тенденции в выборе имени. Начиная с XV в. и до настоящего времени в литовской практике имянаречения взаимодействуют и переплетаются языческие (народные) и христианские традиции. Это наглядно представлено в календарях, в которых с начала XX в. стали фигурировать народные имена. В статье анализируются данные этих календарей и их связь с именинами, которые в Литве в наше время практически не отмечаются. Литовская традиция имянаречения и именин сравнивается с аналогичной болгарской, представленной в статьях И.А. Седаковой.

Ключевые слова: Литва, Болгария, имянаречение, антропонимы, именины, народные имена, христианские имена, календарь.

Ссылка для цитирования: Завьялова М.В. Заметки об именинах и имянаречении в Литве (в сравнении с болгарской традицией) // Славяноведение. 2025. № 2. С. 128–137. DOI: 10.31857/S0869544X25020124, EDN: IYCBZP

Notes on Name Days and Naming in Lithuania (In Comparison with the Bulgarian Tradition)

© 2025. Maria V. Zavyalova

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

mariazavyalova@gmail.com

Abstract. The article provides a brief overview of the history and traditions of naming in Lithuania and describes modern trends in choosing a name. From the 15th century to the present day, pagan (folk) and Christian traditions interact and intertwine in Lithuanian naming practices. This is clearly shown in calendars, which since the early 20th century have included folk names. The article analyzes the data of these calendars and their connection with name days, which are practically not celebrated in Lithuania today. The Lithuanian tradition of naming and name days is compared with a similar Bulgarian one, presented in the articles of I.A. Sedakova.

Keywords: Lithuania, Bulgaria, naming, anthroponyms, name days, folk names, Christian names, calendar.

For citation: Maria V. Zavyalova. Notes on Name Days and Naming in Lithuania (In Comparison with the Bulgarian Tradition) // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2025. No. 2. P. 128–137. DOI: 10.31857/S0869544X25020124, EDN: IYCBZP

Обратиться к теме имянаречения в Литве меня побудили работы И.А. Седаковой о болгарском антропонимиконе, в частности, последние статьи об именинах в Болгарии [Седакова 2024а; Седакова 2024б]. Учитывая некоторые общие тенденции – наличие большого количества «народных» имен, а также схожесть исторических процессов в последнее столетие, было бы интересно сравнить особенности имянаречения и празднования именин в двух странах.

Об истории имянаречения в Литве

История имянаречения в Литве, насколько мы можем ее проследить, отличается постоянным взаимодействием и переплетением христианских и народных имен, светских, языческих и христианских традиций. Еще до официального крещения Литвы отдельные вельможи, принимая христианство, получали христианские имена наряду с традиционными народными, которые сохранялись еще довольно долго. Самые древние народные имена (чаще всего двусоставные, например, *Algimantas*, *Daugirdas*, *Eimantas*, *Rimtautas* и под., но также и апеллятивные, например, *Vilkas* ‘волк’, *Varnas* ‘ворон’, *Balčius* от *baltas* ‘белый’, *Trumpa* ‘короткий’) мы находим в литовских документах до XV в., т.е. можно сказать, что и после введения христианства (в 1387 г.) активно использовались традиционные литовские антропонимы. Христианские имена, по-видимому, входили в употребление довольно медленно, и их преобладание было нестойким. С середины XV в. люди могли записываться в документах и одним христианским именем, но было принято писать два имени – одно христианское, другое – народное. И только после Тридентского собора во второй половине XVI в. (1545–1563 гг.), который предписывал крестить только христианскими именами, в Литве утвердились христианские антропонимы [Mardosa 2003, 286].

Преобладание христианских имен продолжалось примерно с XVII в. до конца XIX в., т.е. почти три столетия. С началом национального возрождения в конце XIX в. вновь вошли в употребление народные имена, и снова они стали появляться наряду с христианскими. До 1940 г. церковь не была отделена от государства, поэтому все новорожденные в обязательном порядке должны были креститься и получать при этом христианские имена. Вследствие этого появилось большое количество двойных имен, как и сразу после введения христианства: в метрики вписывались народные имена рядом с христианскими, например: *Jurgis Vytautas*, *Juozas Gediminas*, *Ona Birutė*, *Monika Aldona* и под.¹ В

¹ Kuzavinis, Savukynas, 35.

советское время эта тенденция сохранилась, только сменились акценты: если в XVI в. христианская церковь навязывала крещение и христианские имена, то в XX в. советская власть крещение не одобряла, проводилось оно часто подпольно, поэтому христианские имена, с которыми крестили, иногда не афишировались, а официально использовалось только второе имя, как правило, народное. Происходило это еще и потому, что при рождении ребенку давалось имя, с которым его и регистрировали в официальных институциях. Крещение часто происходило намного позже, и имя, даваемое при крещении, фиксировалось только в церковных книгах [Ibid., 289]. Народные имена остаются популярными и сейчас, хотя наиболее частотные христианские имена также сохраняются. В последнее время появляется большое количество так называемых природных имен, образованных от апеллятивов, обозначающих явления окружающего мира (чаще всего это названия растений, других природных объектов, а также топонимы и гидронимы).

Похожая тенденция отмечается и в Болгарии: «значительная часть имен не соотносится с каноническими именами, являясь прозрачными, славянскими, отражающими пожелания родителей (“пожелательными” или “защитными”), происходящими из апеллятивов» [Седакова 2024b, 269].

Принципы имнаречения

Трудно судить о принципах имнаречения, бытовавших в древности в Литве. До нас дошли весьма скучные сведения об отношении к имени в первые века после принятия христианства. Показательно, однако, свидетельство, приводимое в работе А. Вишняускайте: в XV–XVI вв., если заболевал крещеный в церкви младенец, его купали в реке или роднике, считая, что таким образом смоют его христианское имя, и давали ему новое имя, часто природное – птичье или звериное, надеясь таким образом вылечить ребенка и придать ему свойства соответствующих животных – храбрость, стойкость [Vyšniauskaitė 1964, 469].

Больше сведений о принципах имнаречения имеется с конца XIX в. Этому периоду посвящено довольно много работ. Р. Паукштите, исследовавшая народные традиции имнаречения в конце XIX – начале XX в., выделяет несколько стратегий при выборе имени для новорожденного [Paukštytė 1999]. Опросы показывают, что наиболее часто ребенку давали имя того святого, в день празднования которого новорожденный появился на свет. Эту стратегию выбирала треть опрошенных. По народным поверьям, ребенок, получивший такое имя, будет долго жить². Две другие популярные стратегии при выборе имени – давать имя святого, не привязываясь к календарю, и давать имя, которое нравилось родителям. Нередко это означало одно и то же, но все же иногда при последней стратегии выбиралось народное имя. Реже при выборе имени руководствовались древней традицией давать ребенку имя близкого родственника: отца, матери, дедушки или бабушки. Народные поверья, связанные с этим принципом выбора имени, позволяют предполагать, что ранее он был более популярен, ср. тексты, опубликованные Й. Балисом в 1937 г.: «Первенцев крестят именем дедушки или бабушки»³; «Первенцу мальчику дается имя отца, остальным – в чей день родился или в чей день крестят, того святого и имя берется»⁴; «Родители своим младенцам в качестве крестных имен чаще

² Balsys V, 32, no. 461.

³ Ibid., no. 460.

⁴ LTA 1296/71.

всего подбирали имена своих дедушек, родителей, братьев или тех людей, которых они любили до свадьбы...»⁵.

Однако Р. Паукштите отмечает, что трактовка такого имянаречения была противоречивой: с одной стороны, считалось, что имя отца или матери поможет новорожденному хорошо расти, с другой стороны фиксировались поверья, что сын, получивший имя отца, будет злым, рано умрет, у него не будет детей [Paukštė 1999, 78]. Расходились мнения и по поводу того, можно ли давать новорожденному имя умершего родственника. В некоторых случаях считалось, что ребенку надо обязательно дать имя живого родственника, в других – что для укрепления семейных традиций можно назвать и именем умершего [Ibid.].

Эта тенденция перекликается с отмеченной И.А. Седаковой болгарской традицией передачи имен старших родственников новым членам семьи [Седакова 2024а, 75], однако в Литве не зафиксированы случаи создания новых имен на основе частей (или одной буквы) имени родственника, как это принято в Болгарии (ср. [Там же, 81]).

К 1930–1950 гг. тенденция давать детям имена родственников, как и руководствоваться святыми, в Литве сильно ослабела. Имена святых по святым давали только в тех случаях, если он рождался в день, посвященный популярному святому (*Jonas, Petras, Ona, Juozas, Antanas* и под.). По мнению Й. Мардосы, исчезновение традиции называть ребенка в честь родственников привела и к сильному спаду популярности христианских имен, ведь именно они до начала XX в. составляли основную часть литовского антропонимикона [Mardosa 2003, 290].

С началом национального возрождения и появлением все большего количества народных, природных имен, принципы имянаречения, по всей видимости, становятся другими. С одной стороны, возвращение к древним двусоставным антропонимам (которым ознаменовалось начало XX в., а также 90-е годы XX в.) свидетельствует о желании вернуться к истокам, к народным традициям. С другой стороны, появление все большего количества новых «природных» или заимствованных имен (с 1960-х годов по настоящее время) говорит о тенденции к инновациям, желании дать имя, которое нравится, не привязываясь к императивам общества. Можно отметить, что современная стратегия родителей, дающих детям «природные» имена – уделять больше внимания внутренней форме имени, поскольку семантика таких имен, как правило, прозрачна (ср., например, среди самых популярных в 2023 г. имен *Liepa* ‘липа’ и *Ažuolas* ‘дуб’).

Опора на семантику имени напоминает «имятворчество» болгар: ср. многочисленные новообразования от апеллятивов в практике имянаречения в Болгарии. Однако отличия также существенны: в Литве не зафиксированы случаи многочисленных производных от одного имени, в отличие от болгарской системы с большим количеством гипокористик [Седакова 2024б, 274]. Ср. также отмечаемую И.А. Седаковой «высокую степень креативности» при выборе имени [Там же, 288]. В Литве новые имена, как правило, образуются по определенным схемам, не подразумевающим большое количество вариантов.

Имя и календарь

С возвращением большого количества народных имен в начале XX в. встал вопрос об их отражении в календарях. Как уже отмечалось, до 1940 г. в Литве крещение было обязательным, и при крещении можно было выбрать только

⁵ Balyš V, 32, no. 465.

христианское имя. Однако растущая популярность народных имен и практика выбора имени по святым побуждала составителей календарей включать в них новые имена. Первые народные имена появились в календарях в начале XX в.⁶, однако часть их была записана с ошибками. По воспоминаниям составителей календаря, когда в 1927 г. потребовалась его редакция, они произвольно записали народные имена рядом с именами святых. На следующий год появилось уже много календарей с литовскими именами [Maciejauskienė 1994, 18]. О росте количества народных имен свидетельствуют цифры: если в 1927 г. народных имен в календаре было около 300, то в 1979 г. их было уже 2500⁷. При этом путаница с именами и относящимися к этим именам датами только нарастала. В 1994 г. В. Мацеяускене проанализировала пять выпущенных в этот год календарей и пришла к выводу, что не все имена вошли в календари, а из тех, которые вошли, не все отвечают необходимым условиям (прежде всего имена должны быть литовскими или быть распространеными в Литве), кроме того, многие имена искажены. Помимо этого, даты нехристианских имен в разных календарях были разными: «Трудно найти день в году, относящиеся к которому имена были бы одинаковыми во всех пяти календарях» [Ibid., 18].

Исправить путаницу взялся литовский историк Аурелиюс Норушявичюс, создавший систему, благодаря которой каждое имя в календаре соответствовало только одному дню, т.е. человек, пользующийся этим календарем, мог праздновать свои именини только раз в году, как и день рождения⁸. Подготовленный им календарь вышел в 1996 г., после чего многократно переиздавался. Кроме того, Государственная комиссия литовского языка регулярно публикует рекомендуемые к употреблению имена на своем сайте⁹, чтобы избежать нежелательных с точки зрения правил литовского языка новообразований.

В этом отношении литовская практика отличается от болгарской: по данным И.А. Седаковой, в болгарских календарях не фигурировали «народные» имена (только «изредка для заимствованных имен в скобках приводится их славянское (болгарское) соответствие» — [Седакова 2024б, 267]), однако при этом «болгарская церковь не запрещает крестить детей теми именами, которых нет в святыцах» [Седакова 2024а, 75]. В Литве наблюдается обратная тенденция: священники крестили только именами святых, однако в календари, как мы видим, стремились включить все употребляемые имена.

Хотя сами составители календарей уверяют, что связь имени и дня совершенно произвольна, все же некоторые закономерности выявить можно. Привязка к дате иногда происходила на основанииозвучения народных имен с именами определенных христианских святых. Иногда в таких случаях достаточно даже первой буквы имени, ср.:

Algirdas (al— ‘каждый’ + gird— ‘весть’) — Šv. *Audaksas* (именины 9 июля);

Audrius (от *audra* ‘буря’) — Šv. *Aleksandras* (именины 11 января);

Dalius (от *dalia* ‘судьба, счастье’) — Šv. *Dabijus* (именины 22 июля);

Banguolė (от *banga* ‘волна’) — Šv. *Batilda* (именины 30 января);

Eglė (‘ель’) — Šv. *Alēta* (4 апреля);

Rusnė (название реки) — Šv. *Rudesindas* (именины 1 марта)¹⁰.

⁶ Kuzavinis, Savukynas, 34.

⁷ Ibid., 34–35.

⁸ Konsultacijų bankas.

⁹ VLKK.

¹⁰ Tavo vardas; Vardai.

Как видно, все эти соответствия базируются только на внешней форме имени. Соотнесение с внутренней формой имени (т.е. переводные соответствия) крайне редки:

Aukšė (‘золото’) – *Šv. Aurėja* (именины 19 июля);

Danguolis (*otdangus* ‘небо’) – *Šv. Celestinas*, *Šv. Liucijus*, однако именины празднуются 16 июля, когда в календаре отмечен *Šv. Domnijus*;

Laima (имя богини судьбы, *laimė* ‘счастье’) – *Šv. Felicita* (7 марта)¹¹.

Однако соответствия дат именин народных имен и привязываемых к ним христианских покровителей обнаруживаются далеко не всегда. Литовское народное имя может соотноситься с именами нескольких христианских святых, но дата именин может не совпадать ни с одной из дат почитания этих святых. Таким образом, формируется только круг святых покровителей народного имени, но не связанные с ними именины.

В случае, когда литовский антропоним является именем языческого божества, ожидалось бы, что дата в календаре совпадает с днем почитания этого божества в языческом календаре. Однако это удалось обнаружить только в случае с богиней любви Милдой¹² (народное имя *Milda*), чей день почитания праздновался 13 мая, именно эта дата значится в календаре. Известно, что день почитания богини огня Габии (народное имя *Gabija*) отмечался 5 февраля¹³, однако в календаре имен день именин Габии отмечен 9 января, когда почитается христианская презентация этой языческой богини – св. Агата. Имя Йорис (*Joris*), соотносимое с языческим богом весенней растительности (лит. *jorė* ‘весенняя зелень’), чьи функции перенял позднее св. Георгий, отмечено в календаре 30 августа, хотя одноименный праздник *Jorė* до сих пор активно отмечается литовскими неоязычниками 23 апреля.

Некоторые соответствия природных имен календарным циклам все же прослеживаются: имя *Liepa* ‘липа’ отмечено в календаре 1 июля, что соответствует началу одноименного месяца (‘июль’ по-литовски *liepa*); *Ažuolas* ‘дуб’ имеет именины 2 июня, что соответствует времени цветения дуба. Однако *Beržas* ‘береза’ отмечается 20 августа, что вряд ли может быть соотнесено с активным периодом в жизненном цикле этого дерева. Имя *Rasa* ‘роса’ празднуется 24 июня – в день одноименного языческого праздника (*Rasos* – день летнего солнцестояния). Вряд ли такие совпадения можно считать случайными.

Есть в календаре даты, связь которых с именами прослеживается исторически. Например, именины Миндаугаса (*Mindaugas*) выпадают на 6 июля – зафиксированный день коронации князя Миндаугаса в 1253 г. (в настоящее время это национальный праздник). По данным другого календаря, именины Миндаугаса следует праздновать 14 октября, поскольку Симонас Даукантас упоминал чествование Миндаугаса осенью, а в 1990 г. в этот день был открыт памятный камень в его честь¹⁴. Редкое имя *Girėnas* (производное от *giria* ‘лес’), появившееся в 1940-х годах после гибели литовского летчика Стасиса Гиренаса (1893–1933), отмечается в день его смерти – 17 июля.

Практика соотнесения «народного» имени с христианским по первой букве или созвучию отмечается и в Болгарии [Седакова 2024а, 81]. Однако креативность болгар при поиске соответствия народного имени дню именин заметно выше. Также, в отличие от болгар, для литовцев нехарактерны «переводные

¹¹ Ibidem.

¹² Эта богиня считается созданной Теодором Нарбуттом, данных о ее почитании в древности нет.

¹³ Romuva.

¹⁴ Mindaugas.

имена» (см. [Седакова 2024б, 276]) –ср. приведенные выше единичные примеры, в то время как в Болгарии такие случаи весьма распространены, ср.: «Переводные имена образуют пары, понятные носителям болгарского языка: *Ирина – Мира* (05.05), *Елевтерия – Свобода* (15.12), *Исидор* (греч.) – *Желязко* (04.02), *Зоя* (греч.) – *Живка* (13.02), *Вая – Ива*, *Върба* (*Цветница*) и др.» [Там же]. Возможно, такая тенденция в Болгарии развилаась из-за тесной связи с греческой традицией, греческий язык более знаком болгарам, чем литовцам языки источников христианских имен. Не характерно для литовцев и соотнесение имен с хрононимами, популярное в Болгарии, ср.: в Благовещение именины празднуют не только славянские дериваты от *Благ*, но и синонимичные *Добра*, *Добрин*; Вербное воскресенье притягивает к себе многие имена, в которых каким-либо образом просвечивает растительная ассоциация и т.д. [Там же, 277]. Хотя можно отметить и некоторые общие детали: ср., например, отмечаемую «сезонность» некоторых именин: «*Снежана* празднует 14 декабря (начало зимы по старому стилю), *Марта* – 1 марта, *Августа* – 1 августа» [Там же, 279]. Ср. с немногочисленными вышеупомянутыми примерами из аналогичной литовской практики.

Имена и именины

В. Мацеяускене, описывая путаницу в литовских календарях конца ХХ в. (см. выше), задалась вопросом «Как же отмечать именину?» и предложила отмечать только те, которые имеют давнюю традицию и стали неотъемлемой частью литовской культуры [Maciejauskienė 1994, 19]. В действительности так и есть: в Литве отмечались и до сих пор отмечаются только дни «основных», особо почитаемых святых, которые совпадают с храмовыми праздниками, называемыми *atlaidai*. Это, например, *Jonas* (24 июня), *Antanas* (13 июня), *Petras* (29 июня), *Juozas* (19 марта), *Ona* (26 июля), *Kazimieras* (4 марта).

Традиция празднования именин в Литве появилась относительно недавно и, судя по всему, не очень прижилась (как и христианские имена). Как отмечает Й. Мардоса, у нас нет достоверных данных, когда появилось понятие именин в Литве, можно только предполагать, что не раньше второй половины XIX в. По данным А. Вишняускайте, источники XVI в. упоминают только празднование дня рождения, а о праздновании именин никаких данных нет [Vyšniauskaitė 1967, 65].

Возможно, прояснить причины отсутствия традиции именин поможет описание праздника имянаречения в литовских деревнях в начале XIX в.:

«Крестин не было, а только праздник выбора имени. Его устраивали весной, не смотрели, в какое время года ребенок родился. Приглашали родственников, соседей и жреца или просто более красноречивого старика. Родители, дедушки и родня обсуждали имя. Когда выбирали имя для мальчика, во дворе дома сажали дубок, когда девочке – липку. Деревца оберегали, поливали, чтобы прижились. Особенно заботились о дубках. Засохшее дерево – плохой знак. Посадив дубок или липку, гости шли на могилы дедов или прадедов и в честь солнца зажигали свечу или разводили огонь. У каждой деревни было свое кладбище. Посадив дубок, жрец желал ему расти крепким и не бояться бурь, а мальчику – быть здоровым и прийти на смену родителям. Посадив липку, гостей угождали медом – чтобы девочка была работящая как пчелка. Если повзрослевший или постаревший человек умирал, то срубали и дуб, а из него делали резной памятный столб. Липы не срубали...»¹⁵.

¹⁵ Воспоминания Тамошюса Кесюнаса, 1823 г. рождения, записал в 1922 г. Повилас Кесюнас; цит. по: Gaška, 56.

Похожими воспоминаниями поделились и Юозас Кальвялис, родившийся в 1866 г. (интервью 1946 г.), Костас Вилкас, родившийся в 1879 (интервью 1972 г.). Бронюс Таутерис, родившийся в 1898 г., отметил, что для момента выбора имени было важно не только время года, но и фаза луны: «Мой пapa, Юозапас Таутерис, говорил, что в древности крестин не было, а имя выбирали и свадьбы играли весной, при молодом месяце. Это значит, что люди будут долго молодыми. А если было полнолуние, надеялись быть богатыми и сильными. Только при убывающем месяце никто праздники не устраивал – не хотели рано умереть»¹⁶.

Таким образом, мы видим: несмотря на то, что давались христианские имена (см. имена информантов), их связь с днем календаря не прослеживалась, дата при выборе имени не была релевантна.

Позже привязка имени к календарю возникла под давлением католической церкви. Й. Мардоса отмечает, что «Объем и значимость почитания конкретного святого для Церкви (ему могут посвящаться храмовые праздники или другие чествования в церкви) постепенно стали императивом для верующих поминать его и связывать своего святого покровителя с личными устремлениями» [Mardosa 2003, 304]. Интересно, что в обрядах празднования таких именин в конце XIX в. прослеживаются отголоски древних обычаяев, ключевым мотивом которых была связь рождения и жизни человека с жизнью растения. Во время празднования именин на ворота или дверь дома именинника вешали венок из свежих (летом) или сухих (зимой) растений, ночью украшали зеленью его стул, дверь, иногда инструменты [Ibid., 294]. Именинника, сидящего на обвитом зеленью стуле, потом поднимали вверх [Ibid., 298]. Это явная отсылка к символике роста и процветания, что раньше выражалось в традиции сажать деревья в момент имянаречения.

Традиция таких именин длилась недолго – до середины XX в., когда вместе с советским строем начались гонения на церковь. Как отмечает Й. Мардоса, «советскую эпоху следует рассматривать как переломный момент в праздновании именин» [Ibid., 295]. Стремясь «преградить путь в церковь», советские власти пытались ввести обязательные праздники «именования», которые заменили бы крестины. Первые такие праздники «именования» состоялись в 1962 г. [Paukštytė–Šakienė 2001, 245]. Позднее были подготовлены методички с определенным церемониалом. По замыслу их авторов, регистрация имени ребенка вместо обычного юридического акта должна была стать праздником [Ibid.]. Предписывалось, чтобы «каждый акт имянаречения проходил торжественно, в уютно обставленных помещениях, под музыку, с участием ответственных членов партии, комсомола, профсоюзов, работников совета, уважаемых людей города и района» [Ibid., 260]. Власти надеялись, что новый ритуал заставит людей отказаться от церковного крещения, однако «время показало, что “именование” не стало ни заменой крестин, ни их модификацией, оно стало самостоятельной частью модифицированных крестин» [Ibid., 258]: как показали материалы экспедиций, все дети перед этим новым праздником или после него были крещены, причем крестины и «именование» могли произойти в тот же день [Ibid., 260]. Практика таких светских церемоний продолжалась до 1989 г., после чего постепенно сошла на нет. Уже в 1990 г., по данным опросов, дни рождения отмечались в два раза чаще, чем именинны [Mardosa 2003, 297].

В настоящее время именинны отмечаются еще реже. По мнению Й. Мардосы, современная свободная трактовка имени не поддерживает традицию именин. По

¹⁶ Ibid.

данным этнографических наблюдений, даже респонденты, носящие имя святого, не придают этому большого значения – христианская основа не является достаточным поводом для празднования. Поэтому именины вытесняются днями рождения, цель празднования которых очевидна для каждого [Ibid., 297].

В практике празднования именин прослеживаются существенные различия у болгар и литовцев. Общей можно считать разве что только традицию особого почитания популярных святых, спр.: «До середины XX в. именины у болгар ассоциировались преимущественно с религиозным содержанием и были приурочены к дням почитания “сильных”, т.е. наиболее почитаемых в болгарском народном православии святых» [Седакова 2024а, 74]. В остальном празднование именин в Болгарии сильно отличается от аналогичной практики в Литве. Можно сказать, что после переломного момента, затронувшего обе страны (установления советского строя в середине XX в.), болгарская и литовская традиция пошли разными путями. То, что в Литве безуспешно насаждалось извне, в Болгарии оказалось живым и естественным. Вероятно, поэтому там сохранилось празднование именин после 1944 г. несмотря на атеистическую пропаганду; эта традиция развивалась и в дальнейшем [Там же, 79]. Высокая креативность в образовании новых имен, их привязка к именам святых и календарным праздникам, а также не угасающая, а наоборот, переживающая бурный рост традиция празднования именин, объединившая в себе архаические элементы и явления массовой культуры [Там же, 82], по-видимому, свидетельствуют об особом статусе имени в болгарской традиции. В Литве, несмотря на некоторые похожие тенденции (передача имени по наследству в древности, появление в последнее столетие множества имен, образованных от апеллятивов, отход от христианских практик имянаречения, попытки соотнести народные имена с именами святых) традиция празднования именин не развила. Возможно, следует согласиться с мнением Й. Мардосы, что в Литве «имя само по себе как идентификационный знак не является объектом почитания» [Mardosa 2003, 304]. Возможно, это объясняется тем, что в Литве практика «празднования дня имени» была навязана извне – сначала католической церковью, потом советской властью, что способствовало восприятию этого праздника как чуждого, далекого от традиционной культуры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Balys J. Raštai. T. 5. Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 2004.
- Gaška 1994: Kaip senovėje kūdikiui vardą rinkdavo / parengė A. Gaška // Liaudies kultūra 1994. No. 3. P. 56.
- Konsultacijų bankas: Kas Lietuvoje nustato vardadienius – priskiria vardui kalendoriuje dieną? // Valstybinės lietuvių kalbos komisijos Konsultacijų bankas: https://vlkk.lt/component/consultation_bank/15054-vardadienis-vardo-diena?lang=pl
- Kuzavinis K., Savukynas B. Lietuvių vardų kilmės žodynas. Vilnius, 1994.
- LTA: Lietuvių tautosakos archyvas (Архив литовского фольклора в Институте литовской литературы и фольклора), Вильнюс, Литва.
- Mindaugas: https://day.lt/sventes/straipsniai/mindaugo_vardadienis
- Romuva: <https://romuva.us/gods/gabijos-dienas/>
- Tavo vardas: <https://tavovardas.com/>
- Vardai: <https://day.lt/vardai/>
- VLKK: сайт Государственной комиссии литовского языка: <https://vardai.vlkk.lt/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Седакова И.А. Именины в Болгарии в свете церковной и секулярной практики // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2024а. Т. 26. № 3. С. 71–86.

Седакова И.А. Болгарский «День имени»: статика, динамика и креативность // Ономастика sub specie семиотики. М.: Институт славяноведения РАН, 2024б. С. 265–298.

Maciejauskienė V. Lietvių vardai kalendoriuose // Liaudies kultūra. 1994. No. 3. P. 15–19.

Mardosa J. Vardinės Lietuvoje: ištakos ir tradicijų kaita // Lietvių katalikų mokslo akademijos metraštis. Vilnius, 2003. T. 22. P. 285–305.

Paukštytė R. Gimtuvės ir krikštynos Lietuvos kaimo gyvenime. Vilnius, 1999.

Paukštytė-Šaknienė R. Krikštynos ir vardynos Šiaurės rytų Lietuvoje XX a. Antroje pusėje // Lietvių katalikų mokslo akademijos metraštis. Vilnius, 2001. T. 19. P. 244–266.

Vyšniauskaitė A. Radynos ir krikštynos // Lietvių etnografijos bruozai. Vilnius, 1964. С. 465–475.

Vyšniauskaitė A. Lietvių šeimos tradicijos. Vilnius, 1967.

Рукопись поступила в редакцию 04.11.2024

Рукопись принята к печати 06.12.2024

REFERENCES

Maciejauskienė V. Lietvių vardai kalendoriuose. *Liaudies kultūra*, 1994, no. 3, pp. 15–19.

Mardosa J. Vardinės Lietuvoje: ištakos ir tradicijų kaita. *Lietvių katalikų mokslo akademijos metraštis*. Vilnius, 2003, t. 22, pp. 285–305.

Paukštytė R. *Gimtuvės ir krikštynos Lietuvos kaimo gyvenime*. Vilnius, 1999.

Paukštytė-Šaknienė R. Krikštynos ir vardynos Šiaurės rytų Lietuvoje XX a. Antroje pusėje. *Lietvių katalikų mokslo akademijos metraštis*. Vilnius, 2001, t. 19, pp. 244–266.

Sedakova I.A. Imeniny v Bolgarii v svete cerkovnoj i sekulyarnoj praktiki. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta, ser. 2: Gumanitarnye nauki*, 2024, t. 26, no. 3, pp. 71–86. (In Russ.)

Sedakova I.A. *Bolgarskij «Den' imeni»: statika, dinamika i kreativnost'*. In print (In Russ.)

Vyšniauskaitė A. Radynos ir krikštynos. *Lietvių etnografijos bruozai*. Vilnius, 1964, pp. 465–475.

Vyšniauskaitė A. *Lietvių šeimos tradicijos*. Vilnius, 1967.

Received on 04.11.2024

Accepted on 06.12.2024

Информация об авторе:

Завьялова Мария Вячеславовна

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник

Институт славяноведения Российской
академии наук

г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0003-0613-0028

E-mail: mariazavyalova@gmail.com

Maria V. Zavyalova

PhD (Philology),
Senior Researcher

Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences

Moscow, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-0613-0028

E-mail: mariazavyalova@gmail.com